

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ЛИЧНОСТЬ: ПУТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

М. С. Рогачевская

Минский государственный лингвистический университет

Минск, Беларусь

e-mail: marinaragachewska@gmail.com

В статье рассматриваются способы взаимодействия личности с художественным текстом в процессе его интерпретации: телеологический, импрессионистический, эмпатический, адаптивно-миметический, когнитивно-дополняющий, идентификационно-проекционный и диссонансно-эвристический. Данные функциональные активности сформулированы на основе сопоставления функций личности в психологии и функций художественного текста в литературоведении.

Ключевые слова: интерпретация; личность; функции личности; телеологический, импрессионистический, эмпатический, адаптация; когнитивно-дополняющий, идентификация; проекция; диссонанс.

INTERPRETATION OF A FICTIONAL TEXT: WAYS OF INTERACTION

M. Ragachewska

Minsk State Linguistic University

Minsk, Belarus

e-mail: marinaragachewska@gmail.com

The article discusses the ways of interaction of a personality with a literary text in the process of its interpretation: teleological, impressionistic, empathic, adaptive-mimetic, cognitive-complementary, identification-projective and dissonant-heuristic. These functional activities are formulated on the basis of a comparison of personality functions in psychology and the functions of a literary text in literary criticism.

Keywords: interpretation; personality; personality functions; teleological, impressionistic, empathic, adaptation; cognitive-complementary, identification; projection; dissonance.

*«Как известно, все значения зависят от
ключа интерпретации» [1, с. 46].*

Избранный эпиграф из романа «Дэниэль Деронда» Дж. Элиот отражает выводы на основе одной из сцен, содержащей двусмысленные намеки, недомолвки, инсинуации в общении Гвендолин, главной героини, и молодого духовника мистера Мидлтона. Данная сцена имеет множество вариантов в мировой литературе (вспомнить хотя бы романы Дж. Остин) и максимально сближает опыт восприятия художественного текста читателем (метафоризируем под эту роль мистера Мидлтона) и множество текстовых намеков (Гвендолин). Отталкиваясь от подоб-

ной сцены и рассматривая позицию в ней читателя с разных точек зрения, можно выдвинуть несколько гипотез о различных способах актуализации связи читательского сознания, его личности и художественного текста.

Интерпретация – всеохватный и важный аспект человеческой интеллектуальной деятельности, который в широком смысле определяется как «истолкование, объяснение, перевод на более понятный язык», а в отношении к методам литературоведения – как «истолкование смысла произведений в определенной культурно-исторической ситуации его прочтения» [2]. Современные терминологические издания в обязательном порядке оговаривают, что интерпретация как интеллектуальная деятельность «в искусстве и литературоведении основана на принципиальной многозначности художественного образа» [2].

Интерпретация является неотъемлемым аспектом критического мышления, которое хорошо обосновано в работе В. Ф. Турчина «Феномен науки» (2013), где автор, анализируя переход от первобытной к современной фазе мышления, отмечает, что «становится общепринятым не только думать что-то о чем-то, но и задавать себе вопросы: а почему я так думаю? Можно ли думать иначе? К каким последствиям приводят те или иные мысли? Коротко говоря, отличие современного мышления от первобытного заключается в том, что оно является мышлением критическим» [3, с. 156]. Мы видим, что интерпретация, а это в том числе и вопросы, приведенные в цитате, нераздельно связана с критическим мышлением, а, значит, является неперенным условием развития личности.

Согласно научной психологической трактовке, личность всегда характеризуется «как субъект отношений и сознательной деятельности», а также как «устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена общества или общности. Понятие личности следует отличать от понятий “индивид” (единичный представитель человеческого рода) и “индивидуальность” (совокупность черт, отличающих данного индивида от всех др.). Личность определяется данной системой общественных отношений, культурой и обусловлена также биологическими особенностями» [2].

В представляемом небольшом исследовании ставится задача выявить способы взаимодействия между художественным текстом в процессе его интерпретации и личностным развитием. Учитывая основную характеристику читателя как личности – т.е. как субъекта отношений и сознательной деятельности, или как члена общества или общности – рассмотрим те пути взаимодействия сознания читателя с художественным произведением, которые актуализируют личностное развитие,

страивание личности в отношении разного порядка. В психологии выделяют самые разные функции личности, которые способствуют ее формированию и участию в общественных процессах, что собственно и делает личность личностью. Назовем лишь самые общеизвестные: жизнедеятельностная (регулирующая основные бытовые процессы), профессионально-ориентированная, коммуникативная, когнитивная, эмотивная, творческая. Известнейший российский педагог В. В. Сериков выделяет целый ряд личностных функций, таких как избирательная, опосредующая, критическая, функция волевой регуляции, смыслотворческая, ориентирующая, функция ответственности, обеспечения автономности и устойчивости внутреннего мира, творческого преобразования, самореализации, обеспечения уровня духовности [4, с. 28]. Такая всеобъемлющая классификация стала возможной в том числе и с учетом функций личности, выделенных психологом С. Л. Рубинштейном и философом и литературоведом М. М. Бахтиным. Последний, в частности, функции «Я-для-себя», обеспечения целостности внутреннего мира и ответственности.

Чтобы осознать, каким образом задействовать данные и иные функции в процессе интерпретации художественного текста, обратимся к так называемым в когнитивистике типам критического мышления (сознания), актуализирующим личностный уровень. Выделяют, например, импрессионистический стиль мышления, герменевтический, телеологический, контекстуальный, лингвистический, и др. Как отмечает Е. Л. Яковлева, «именно интерпретационная практика Я выступает как ценностный интеллектуальный компонент, связанный с “осознанием сознания”, в результате чего рождается “мысль о мысли” ... Интерпретация является показателем активно-рефлексивного присутствия личности в бытии, рождая со-бытие как приключение/при-ключе-ние, помогающее раскрыть тайны мироздания и сущности человека. Процесс интерпретации, выступая в качестве способа творческого создания самого себя, оправдывает жизненный опыт, что позволяет говорить о нем как своеобразной манифестации Я, становящейся в результате его развертывания личностью» [5].

Типы сознания, реализующиеся в процессе интерпретации, по-разному определяют направления личностного развития. Телеологическое мышление, например, ищет в тексте некое изначально заданное целеполагание. Вспомним учительское клише на уроке литературы: Что хотел сказать автор? Или: чему учит нас произведение? Телеология в философии изначально определяется как «учение о целевой детерминации бытия, его отдельных сфер, объектов, процессов, предполагающее наличие в мире объективных [внечеловеческих] целей, целевых за-

висимостей и целесообразности в целом.... Под этим термином также понимается общепсихологическая теория цели и выражаемых ей отношений. Телеологией называют и способы познания, в которых используются категория цели и входящие в его смысловое поле понятия (так называемая методологическая телеология)» [6]. Направленность на целевую установку в тексте продуктивна в тех случаях, когда читателю доступна в той или иной мере авторская мировоззренческая позиция или осознается жанровое предназначение произведения, когда в качестве цели выступает вывод, складывающийся из логики развязки событий, разрешения конфликта (как это работает в жанре сказки, басни или притчи): добро должно победить зло, отрицательные герои за их поступки наказываются, а положительные – вознаграждаются. При всей этической ценности телеологического способа интерпретации (реализация ориентирующей функции – т.е. построение системы смыслов), все же совершенно очевидно, что мышление категориями бинарных оппозиций – лишь первая ступенька в подходе к художественному творчеству, длительная остановка на которой неизбежно приводит или к консервации личностного роста, или к логическому тупику в случае текстов более высокого уровня.

Импрессионистический стиль мышления – самый доступный личностный инструмент. Положительным имманентным его свойством является его прямая корреляция с психическим слоем личности, предполагаемая свобода и непредвзятость выражения эмоциональной реакции на произведение. Г. И. Беленький выделяет два уровня художественного восприятия – интуитивный и концептуальный, называя низшим уровнем – как раз интуитивный, «анэстетический», богатый “лирическими” житейскими эмоциями, которые при соответствующих условиях могут быть переведены в эстетические и стать благоприятной почвой для вхождения читателя в художественный мир произведения» [7, с. 61]. Но эмоциональная составляющая любого художественного текста неизбежно склоняет к интерпретационному импрессионизму. Необходимо вспомнить и очень влиятельную статью Томаса Стерна за Элиота «Традиция и индивидуальный талант» (*Tradition and the Individual Talent*, 1919). Элиот – автор теории «объективного коррелята». «Отрицая возможность четкого разграничения объективного и субъективного, Элиот исходит из интенциональной природы эмоции. Чтобы передать эмоцию, рассуждает он, художник должен представить в произведении объект, который ее вызвал, – объективный коррелят эмоции. Поскольку критерием эстетической ценности произведения выступает степень объективизации эмоции, художник не может быть субъективистом, а критик – импрессионистом: анализируемый объект не должен

служить для самовыражения» [цит. по 8, с. 349]. Импрессионистическое взаимодействие с текстом имеет положительный аспект, который можно назвать «эмоциональной образованностью», или, иными словами, обеспечением эмотивной функции личности. Однако оставим несколько в стороне психологическую трактовку, с помощью которой описывается умение людей управлять своими эмоциями и реагировать на эмоции других, и обратимся к писательской критике в лице Д. Г. Лоуренса: «Критик должен уметь чувствовать воздействие произведения искусства во всей его сложности и силе. Для этого он сам должен быть человеком сильным и сложным, а таких критиков немного. Человек с ничтожной, наглой натурой никогда не напишет ничего, кроме ничтожной, наглой критики. А эмоционально образованный человек – такая же редкость, как и птица феникс. Чем более схоластически образован человек, тем в большей степени он, как правило, эмоциональный невежда... Критик должен быть эмоционально живым во всех своих фибрах, интеллектуально способным и искусным в основах логики, а также морально очень честным» [9, с. 209].

К этому можно прибавить, что на уровне эмоционально-психической вовлеченности читательского сознания в личностные построения произведения, т.е., взаимодействие с персонажами, как если бы речь шла о реальных живых людях, можно рассмотреть такой вид взаимодействия, как эмпатия. Читатель оказывается в водовороте фиктивных событий и как бы становится частью текста (как Дон Кихот в одноименном романе). Мы начинаем идентифицировать себя с вымышленными героями произведения, и текст начинает воздействовать на эмоциональную сферу личности (т.е. мы испытываем психическое возбуждение, радость, испуг, тревогу, уныние, грусть, гнев, раздражение или возмущение). О способности художественной литературы порождать в личности эмпатию писал в газете «Гардиан» Иэн Макьюэн после терактов 9/11: «Если бы террористы смогли мыслить и чувствовать, как и пассажиры, они не смогли бы совершить то, что совершили. Трудно быть жестоким, если ты позволяешь себе проникнуть в сознание своей жертвы. Представление о том, что значит быть кем-то еще кроме себя самого, лежит в основе нашей человечности. В этом состоит сущность сострадания и начало нравственности» [10]. Эмпатийная составляющая интерпретации настраивает нас на распознавание, проживание и «прочувствывание» эмоций и психических состояний героев произведения. Эта теория также уходит корнями в основы поэтики Аристотеля, точнее, его теорию катарсиса.

Исходя из вышеизложенных размышлений об импрессионистичности, можно заключить, что это этот уровень личностного взаимодей-

ствия в процессе интерпретации может и должен сопровождать те более высокие уровни восприятия, которые разные исследователи обозначают как «концептуальный», «эстетический» или «аналитический». Эти уровни условно можно соотнести с когнитивной, избирательной, опосредующей, критической и смыслотворческой функциями личности. К более высоким уровням личностного взаимодействия с художественным текстом при помощи вышеуказанных функций подводит герменевтика, которая в целом является одной из старейших школ / дисциплин / наук об интерпретации и нацелена на обнаружение глубинного смысла произведения. На уровне рациональной оценки, классификации, формирования суждений о явлениях жизни, представленных в художественном тексте, можно выделить две формы взаимодействия.

Первую назовем *адаптивной*. Художественный текст имитирует, мимикрирует или отражает мир, который нам знаком, углубляет наше понимание этого узнаваемого мира. Так, собственно, и выстраивается взаимодействие личности с реальным миром путем узнавания предметов, реалий и феноменов, которые образно представляет художественная литература. Если принять подход к толкованию литературного произведения как отражения, имитации внешнего мира, то необходимо вспомнить классическую теорию мимесиса Аристотеля, а также основы марксистской школы литературоведения. Согласно теории «эстетического отражения» М. Лифшица и Г. Лукача, «подлинное произведение искусства может превзойти реальность, которую человек воспринимает в своем повседневном опыте, и предоставить ему более точное, полное, динамичное отражение той же самой реальности, отражение, которое было бы ему недоступно, если бы границы собственного опыта были бы для него абсолютно непреодолимыми» [11, с. 725]. Такой путь взаимодействия с текстом Д. Лодж обозначил в своей работе «Сознание и роман» (*Consciousness and the Novel*, 2002), отмечая, что в основе реалистического викторианского произведения как раз и лежит убежденность в том, «реальность можно познать, что истину о человеческой деятельности можно передать словами, а подобными знаниями и истиной можно поделиться со всеми» [12, с. 48]. Личностное развитие таким образом начинает строиться на дискурсе «реального», т.е. оперировать понятиями «реально», «логично», «правдиво», «правдоподобно», «вероятно», «типично», «узнаваемо». Выстраивание подобных когнитивных цепочек – базовый вид интерпретационной деятельности, когда к толкованию глубинного смысла текста ведет встраивание в основной шаблонных оценок и выводов в картину мира, открывающуюся читательскому взору. Мы используем фикциональные ситуации и типажи персо-

нажей для подтверждения наших знаний о мире, для цементирования наших мировоззренческих установок.

Вторую форму личностного взаимодействия с текстом в акте интерпретации в герменевтическом поле назовем *дополняющей*. Когнитивный аспект интерпретации основан на заполнении лакун – решении вопросов несоответствия шаблонов сознания, памяти тем образам и структурам, которые представлены в произведении. Ведь художественный текст знакомит нас с теми сторонами окружающей реальности, которые нам неизвестны, а ситуации таковы, в которых мы никогда не оказывались и даже не представляли себе вероятность их наступления. Безусловно, именно когнитивно-познавательный аспект художественного текста запускает те процессы, которые руководят запросами мозга на новую информацию. При этом личность начинает взаимодействовать с текстом посредством подстановки, «примерки» существующих в памяти установок на толкование новых или неизвестных ранее описанных в тексте явлений.

Положение личностного аспекта читательского сознания по отношению к тексту может быть внешне созерцательным, внутренне вовлеченным или отстраненно-аналитическим. Читатель может быть как бы сторонним объективным наблюдателем, делающим выводы исходя из заранее заданных алгоритмов. Тогда он находится за пределами текста и осознает это. Но можно отметить и взаимодействие в форме психологической, фрейдовской, идентификации или проекции. Мы ставим себя на место вымышленных персонажей и, узнавая через прочтение о их успехах и промахах, мыслях и поступках, мы проигрываем наши поступки и мысли по модели литературных героев в реальном измерении. Произведение принимает на себя роль некоего психотерапевтического посредника, позволяющего решить (или же усугубить) личные проблемы.

Если рассматривать личность не как некое постоянное целое, а как изменчивый и эволюционирующий конструкт, или как целое, не равное сумме отдельных составляющих, то стоит учесть конфликтообразующий, диссонансный вид взаимодействия, когда произведение противоречит сложившимся концептуальным личностным установкам и принципам или ставит их под сомнение с полным обоснованием. Возможно, здесь сработает и «эвристическая» функция литературного произведения. При таком способе интерпретационного взаимодействия, в дополнение к избирательной, опосредующей, критической и рефлексивной функциям личности, активизируются и пусковые механизмы личностного продвижения и выхода за рамки шаблонов, предубеждений, предрассудков и идеологической зомбированности.

Приведем глубинную и актуальную мысль профессора Е. Л. Яковлевой: «Сегодня интерпретация текста становится одной из центральных проблем философии науки и эпистемологии, о чем говорит большое количество исследовательской литературы. Обращение ученых к практике интерпретации, связанной с познанием, пониманием и отношением к окружающему миру, обусловлено интеллектуальным кризисом личности, живущей по канонам гламурной идеологии. Согласно данной идеологической системе, бытие человека, подчиняющегося принципам красоты, молодости и богатства, протекает бездумно во временной координате настоящего – сейчас, вследствие чего прошлое и будущее игнорируются. Бесконечная смена навязываемых гламурных тенденций и образов не способствует осуществлению смысло-жизненного поиска и способности задуматься над происходящим. Интерпретация помогает преодолеть интеллектуальный кризис, восстанавливая метафизическую (интеллектуальную – нравственную – эстетическую) триаду жизни человека» [5].

Подводя итог, перечислим выделенные (и, безусловно, не исчерпывающие) способы взаимодействия личности с художественным произведением в процессе интерпретации: телеологический, импрессионистический, эмпатический, адаптивно-миметический, когнитивно-дополняющий, идентификационно-проекционный и диссонансно-эвристический. Во всех случаях мы должны ориентироваться в личностном развитии на то, что у человека есть способность к трансценденции в его критическом мыслительном потенциале, или переход от сугубо личного к еще неизведанному, инаковому, существующему в сознании Другого. Доступ к этому Другому порождает диалог, активизирующий личностное развитие.

Библиографические ссылки

1. Eliot G. Daniel Deronda. Oxford: Oxford University Press, 2014. 768 p.
2. Современный энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://encyclopediadic.slovaronline.com/24035> (дата обращения: 19.10.2022).
3. Турчин В. Ф. Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции. М.: ЭТС. 368 с.
4. Сериков В. В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. М.: Издательская корпорация «Логос». 1999. 272 с.
5. Яковлева Е. Л. Современное видение интерпретационной модели текста [Электронный ресурс] // Litera. 2017. № 1. С. 57–66. DOI: 10.7256/2409-8698.2017.1.21657. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-videnie-interpretatsionnoy-modeli-teksta/viewer> (дата обращения: 19.10.2022).

6. Можейко М. А., Кириленко Г. Г., Шевцов Е. В., Симонов А. И. Телеология [Электронный ресурс] // Гуманитарный портал. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/7361> (дата обращения: 19.10.2022).
7. Беленький Г. И. Приобщение к искусству слова. М.: Просвещение, 1990. 192 с.
8. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. СПб. : ООО «Книжный Дом», 2007. 472 с.
9. Lawrence D. H. Study of Thomas Hardy and other essays. Ed. Bruce Steele. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 454 p.
10. McEwan I. Only love and then oblivion [Electronic resource] // The Guardian. Mode od access: <https://www.theguardian.com/world/2001/sep/15/september11.politicsphilosophyandsociety2> (date of access:19.10.2022).
11. Камнев В. М., Камнева Л. С. М. Лифшиц, Г. Лукач и теория эстетического отражения // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2020. №4. С. 721–730.
12. Lodge D. Consciousness and the Novel. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2002. 320 p.